

Виктор Бондарчук

*Владивостокские
новеллы*

Виктор Бондарчук

Владивостокские новеллы

«Издательские решения»

Бондарчук В.

Владивостокские новеллы / В. Бондарчук — «Издательские решения»,

Сборник рассказов. О работе в море и о жизни в глухом сибирском поселке при Советах. А также дикие перестроечные 90-е в приморском портовом городе.

Содержание

Блеск награды	6
Ульян Тишков – сержант разведки	10
В джунглях моря	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Владивостокские новеллы

Виктор Бондарчук

© Виктор Бондарчук, 2016

Редактор Виктор Бондарчук

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Блеск награды

Теплоход «Тоболлес» Дальневосточного морского пароходства в конце июля с грузом пиломатериалов и разборных домиков находился за Полярным кругом. В одиночку, не спеша, продвигался в сильно разряженном льду курсом на Певек. Солнышко светит почти круглые сутки, середина арктического лета балует теплом и полным штилем, ничто не предвещает ни каких осложнений и неприятностей.

В июне хорошо поработал «южняк», и тяжелые многолетние льды снесло на север, арктическая трасса очистилась почти наполовину. По курсу лесовоза открывались широкие разводья, которые тянутся до самого горизонта, соблазнив капитана дать полный ход. Зачем пробираться как шпионам, тащиться еле – еле, если условия плавания благоприятные, и уже завтра к вечеру можно быть в порту назначения.

Часа через четыре совсем успокоились, разводья не сужались, льда не прибавлялась, и скорость в четырнадцать узлов уже не казалась слишком большой. Так и шли до ноля, не сбавляя хода. Правда, иногда приходилось резко маневрировать, обходя громадные льдины – стамухи. Просто не верится, что можно с такой большой скоростью ходить в царстве вечных льдов, где за каждый благополучно отработанный день, моряки благодарны Всевышнему и судьбе.

На мостике спокойная и деловая обстановка, капитан отдал рулевому несколько коротких команд, и судно, обойдя громадную многолетнюю льдину, снова вошло в широкое разводье. Но, проходя мимо это стамухи, вдруг довольно ощутимо содрогнулось, задев, по видимому, подводную, невидимую часть этого мини айсберга. В общем-то, удар был не сильный, иногда бились о лед так, что мачты тряслись, но тогда удары приходились на штевень, самую крепкую часть корпуса. А сейчас задели лед правой скулой, почти бочиной, где то в районе второго трюма.

Как и положено, капитан сразу послал одного из вахтенных матросов промерить льяла трюмов и донные танки в районе удара. Матрос ушел, но уже через десять минут стало понятно, что столкновение не прошло бесследно, лесовоз стал явно крениться на правый борт. Через пятнадцать минут крен достиг семи градусов, а вернувшийся матрос доложил о прибывающей воде во втором трюме. Пока застопорили ход и полностью остановились, крен достиг четырнадцати градусов, и судно явно просело носом, как говорят на флоте, село «свиньей».

А еще через час обстановка была полностью ясна и контролируема. Неприятность, конечно, большая, но не настолько, чтобы паниковать. Второй трюм затоплен наполовину, пробиты и затоплены два донных танка правого борта. Выровняли крен, взяв балласт в танки левого борта, а дифферент подравняли ахтерпиком, самым кормовым танком, в который набрали почти триста тонн воды. В общем, сделали все, что и положено в таких случаях, и снова дали ход. Надо идти в порт, пробоина, по всей видимости, приличная, и своими силами ничего не сделаешь. При скорости в шесть узлов, крене в четыре градуса судно управлялось вполне прилично и, кажется, были все шансы добраться до Певека своим ходом, что и неплохо получилось.

Дошли благополучно, выполнив первую задачу, и сразу стали думать над второй, важнейшей: как все это преподнести пароходскому начальству, и как можно в лучшем для себя виде, параллельно занимаясь ремонтом.

В порту все решилось быстро и по-деловому – за неделю полностью выгрузились и приступили к ремонту, без которого не дойти до Владивостока, до которого больше двенадцати тысяч миль. Такие происшествия для Арктики не редкость, и все делается по давно налаженным схемам и технологиям.

Так и сейчас, закрепились на левый борт до максимума, оголив пробоину. Откатали воду из второго трюма и танков, принялись за установку цементных ящиков. Помог снова порт,

выделив пять классных сварщиков, которые разделали и заварили пробоину. Так что морякам осталось только подкрепить поврежденный корпус, залив изнутри место пробоины несколькими тоннами цементного раствора самой высокой марки, поставив так называемые цементные ящики.

Управились за пять дней и снялись на Тикси за лесом, в полной уверенности, что сварка и семь тонн бетона полностью удержат герметичность пробоины не только на балластный переход.

Все получилось согласно расчетам, и к концу сентября теплоход «Тоболлес» пришел во Владивосток и встал в док, теперь уже на капитальный ремонт корпуса.

Но на этом, в общем-то, не сильно героическая история не закончилась. Ведь стране Советов всегда нужны герои, на кого-то должны равняться советские люди. А где их брать, этих самых героев, в мирное время? А тут подвернулся случай, пробоина во льдах Крайнего Севера, героическая и самоотверженная работа по ее заделке. И потом – не просто судно вернулось в базовый порт, а еще и доставили в Японию лес из северного порта, своим героическим трудом и профессиональным мастерством предотвратили пустой балластный переход с Севера.

В действительности все было гораздо проще: жена капитана была родственницей, какого-то начальства, то ли городского уровня, то ли краевого. Вот и повернули дело на героические рельсы. К тому же капитан с помполитом, не жалея ярких красок, описали во всех отчетах, как возглавляемый ими экипаж героически противостоял суровой стихии и почти непреодолимым силам природы. И экипаж не только противостоял, не только выдержал испытания, но и вышел победителем. А победителей, как гласит русская народная пословица, не судят. А пара звонков из высоких кабинетов в пароходство положили конец сомнениям начальника службы безопасности мореплавания, и, наконец, все начальство единодушно признало моряков «Тоболлеса» героями мирных будней. Заставило закрыть глаза на инструкцию, в которой четко говорится: в сложных условиях арктического плавания, скорость должна быть максимально безопасной. В пароходстве быстренько составили нужные бумаги, и Родина наградила героев орденами и медалями.

Конечно, награды были не самой высокой пробы, в основном всех последних трудовых степеней, но и то неплохо, ведь при другом стечении обстоятельств все могло обернуться строгими выговорами в лучшем случае.

Орден вещь хорошая, и не у всех он есть, а коли это так, то надо подойти к этому трезво и грамотно, и постараться снять с награды приличные дивиденды. Пусть даже она всего то и четвертой степени. Примерно так рассуждал один из награжденных, боцман этого героического теплохода Толя Полищук. Он только что вышел из здания парткома и, рассматривая свой яркий орден четвертой трудовой степени, думал, как пустить его в дело. Чем он сможет помочь владельцу, прежде чем ляжет пылиться на задворки шкафа или стола. Ведь пока он в своем уме и твердой памяти, носить его не будет, ну разве что в исключительно полезных для себя случаях.

Вариант созрел быстро, и не в пример другим награжденным, боцман не стал прятать блестящую игрушку в карман. Он нацепил его на пиджак и пошел записываться на прием к начальнику пароходства, человеку по жизни доброму и, как ходят слухи, большому поклоннику теплых компаний и торжественных мероприятий. Значит, человек он нормальный во всех отношениях, не чурается простых человеческих радостей, а значит, и вопрос может решить по – человечески. Эх, выпить бы с таким человеком – можно бы много полезных для себя вопросов порешать. Но это мечты неосуществимые: где он – и где начальник пароходства. Да и не пить ее, родную, идет боцман к высокому начальству, а по делу. Запись на прием прошла удачно: и день записи оказался как раз сегодня, и моряка с орденом выдели сразу из массы жаждущих этой самой записи аж шести утра, и записали без очереди. Боцман записывающему ничего не объяснял, сказав просто и коротко, мол, по личному, и погладил правительственную

награду. И не стал записывающий маять орденосца вопросами, внес в список, посоветовав не опаздывать на прием.

Девяносто процентов народа ломиться на прием к начальнику пароходства по жилищным проблемам, а вот остальные с разными. Многие, как и Толя Полищук, идут просить, что-то конкретное, реальное и достижимое. Сделают все грамотно, и можно быть уверенным, с пустыми руками не уйдут.

И вот сидит Полищук весь из себя строгий и примерный, напротив шести человек, самых главных людей пароходства. Он не горячась, не волнуясь, толково объясняет, но долго и нудно, с мельчайшими деталями, что на очередь на квартиру его не ставят, мол, имеет дом в пригороде. Но какой это дом, развалюха, да еще живет с родителями, женой, и двумя детьми. И неужели такая богатая организация, как пароходство, не может выделить герою двенадцатиметровую комнату, он согласен даже на семь квадратов. Один из замов мямлит что-то про закон, и еще черт знает про что. И всем присутствующим ясно и понятно, что герою ничего не отломится, и что он время зря гробит, и свое, и чужое, пустыми разговорами. Но внимательно глянув на его лицо и яркую медальку, их начинают точить сомнения, ох, не прост этот мужичок. Еще через десять минут Полищук докладывает присутствующим, что на все просьбы он получает одно «нет».

Жилплощадь с теплым туалетом дать не можете, на очередь квартирную тоже поставить не можете, а про путевку в турне по Европе вместе с женой и слышать не хотите. Ну хоть что-то положительное вы решить можете? И смотрит прямо и честно, и начальники отводят глаза, думая, что сейчас все закончится, но не так думает боцман героического лесовоза. Он, можно сказать, только подошел к главному. И задает еще вопрос: а «Жигули» шестой модели они могут выделить за полную стоимость? А на дубовый вопрос, зачем ему машина, чуть не рассмеялся им в лицо, но ответил спокойно и солидно: долго добираться на работу из дальнего пригорода. Машина ему нужна только для этого и не для чего другого, ну, может, когда за снабжением в СМТО съездит. Стоянки то в базовом порту короткие, а успеть везде надо.

На очередную просьбу героя желающих отвечать нет, все косятся на начальника пароходства. А тот, устав от этой бодяги с ушлым боцманом, которой не видно конца, и понимая, как тот умно подошел к нужному ему вопросу, дает распоряжение начальнику жилищно – бытовой комиссии выделить машину в течении десяти дней под полную стоимость. И уже не слушает, что толкует распорядителя квартир и машин, требует пригласить следующего просителя, давая понять, что решение принято и обжалованию не подлежит. Толя Полищук не сорвался благодарить, от счастья закатив глаза, он достал заранее написанное заявление и попросил его завизировать. И все, глядя на эту, заранее подготовленную бумажку, понимают, что никакая квартира этому пройдохе не нужна, как и не нужно все остальное. Он ломал комедию ради этой машины и добился своего.

Начальник пароходства смеется, он умный человек и уважает умных, и потому без разговора чиркает на резолюцию, жирно подчеркнув модель машины, и жмет Толе Полищuku руку, как равный равному.

А еще через час боцман мчится к себе домой на электричке, размышляя и прикидывая, сумеет или он за десять дней снять с учета и продать свой «Жигуленок», которому нет еще и двух лет. Машина, конечно, хорошая, но новая «шестерочка» в два раза лучше. А то, что он получит новую «тачку», Полищук вообще не сомневается.

И когда через день в жилищно – бытовой комиссии начнут тягомотно втирать «очки», Толя улыбнется им очень доброжелательно и с бесцеремонностью уверенного в себе человека посоветует посмотреть на резолюции широко открытыми глазами, а заодно посчитать свои машины и машины родственников и друзей.

Через семь дней темно-синяя шестерочка стояла в просторном гараже частного дома, выделяющегося двумя этажами и добротной ухоженностью среди прочих домовладений.

Владивосток. 1975 год.

Ульян Тишков – сержант разведки

Если сказать что Петруха был удивлен, это не сказать ничего. Он видел, как отец плакал. И это его батя, у которого две «Славы», не считая других пяти орденов, про медали и говорить нечего. Его батя плакал, разведчик полковой, который войну отмантулил с первого и до последнего дня. И с япошками бы прихватил, но рана открылась, и сняли его в госпиталь в Чите, из эшелона, несущегося на всех парах к новой войне. Батя, конечно, не рыдал, но слезы то текли самые настоящие, которые он смахивал рукавом старого пиджака. И все это происходило ни где-нибудь, а прямо в зале клуба их маленького городка. Хорошо, что фильм то не очень, хоть и про войну, а потому то и народа в зале немного. Петруха уже видел это кино: «Живые и мертвые», и ни за что бы второй раз не пошел. Но что с батей-то не сходить, который тоже его второй раз смотрит. Тем более после сеанса ему обещано мороженое, так сказать в награду за эту скуку.

Возвращаясь, домой, сын все же спросил у отца про эти слезы. А что не спросить то, ему уже пятнадцать, и с отцом они почти на равных.

– Батя, а что ты плакал то? Увидели бы знакомые, засмеяли бы.

– Война, как наяву навалилась. Нас точно так же расстреливали, как этих мужиков, которые к своим пробилась. И не поймешь кто хуже, немцы или свои.

– Как расстреливали? Кто? Немцы или наши?

– Можно сказать и те, и другие.

– Как это и те, и другие? Такого быть не может. Слушай батя, а что ты мне про войну никогда не рассказываешь? Вон те пацаны, у которых отцы партизанили, аж захлебываются про их подвиги. А у тебя столько орденов, и ты про них ни слова.

– Война страшная штука. Дай Бог, чтобы она тебя стороной обошла. Может я за всех отвоевался.

– Что там страшного-то? Главное, чтобы патронов побольше, и бей немчуру.

– Дурачок ты, не знаешь, не болтай лишнего, чтобы беду не накликать. Не дай Бог, чтобы по тебе стреляли, и чтобы ты ни в кого не стрелял никогда.

– Я же в военное училище собираюсь. А быть офицером и не стрелять, как то непонятно. Так что ты плакал то? Расскажи, как вас свои с немцами расстреливали?

– А вот так и расстреливали. Нас первый месяц «Ганс» гнал в хвост и в гриву, а что не гнать то, мы без оружия. День и ночь улепетывали, чтобы от фрицев оторваться и хотя бы вооружиться, но не получилось. Немцы нас с левого фланга обошли, к реке прижали, заняли высоту, и сверху по нам с пулеметов застрочили. Мы, конечно, правее взяли, уклонились на пару километров и встали, вернее нас свои остановили. Капитан, весь черный от гари, наганом размахивал, в кучу сбивал. Именно в кучу, потому как мы были не воинством, а обыкновенной толпой.

– И че этот капитан от вас хотел?

– Он нас в атаку организовывал. Эту самую высотку брать.

– Так вы же без оружия, ты сам говорил.

– Он нам приказал в соседнем лесочке палок нарубить, чтобы немцы думали, что мы при винтовках. Мол, одним рывком возьмем эту высотку, а там глядишь, и у фрицев оружием разживемся.

– Он что придурок этот капитан? С палками на пулеметы лезть.

– Он то может и понимал что к чему, ведь он с нами в эту атаку пошел, но были там еще какие то военные, офицеры, они в отдалении расположились. Я как понимаю, от них эта команда пришла. Они скомандовали и ушли, я их больше не видел.

– Батя, а ты не врешь? Как это с палками то воевать?

– Хотелось бы соврать, да не получается. Вот и потянулись к этой высотке.

– Я бы не пошел. Он же один был этот капитан, че его слушать то ненормального.

– А вот, поди, же ты, а слушали. Глаза сверкают на черной морде, наганом размахивает, орет за Родину, за Сталина.

– Да вы бы хоть по ночи наступали или под утро. По темноте то как-то справнее, а что при солнце то на пулеметы переться.

– Нам никто ничего не объяснял, мол, вперед и все.

– И вы побежали немца выбивать?

– Побежали, да еще как. Кричали ура, но это от страха, чтобы себя подбодрить. А немцы подпустили нас поближе и ударили из трех пулеметов кинжальным огнем, и враз из батальона меньше взвода осталось.

– А сколько солдат в батальоне?

– По разному, где-то пятьсот, но это когда только на передовую прибывали.

– И всех пятьсот за несколько минут положили?

– Ну, осталось сколько то, и то все израненные. Склон то ровный, укрыться негде.

– А ты то, как выжил?

– Я увидел ствол пулемета весь в дыму, и немец без каски, строчит и смеется. Мы метров тридцать не добежали, и этот дымящийся ствол вот – вот со мной соединиться. Я упал, чуть вниз откатился, не хотелось вот так по-дурачки погибать. Пули прошли выше, некогда было фрицу меня одного выцеливать. «Иванов» то еще много, и все в полный рост – стреляй не хочу. Я до сих пор этого немца помню и его страшную улыбку. На меня двое убитых свалились, прикрыли от другой очереди, которая добивала. Через минутку еще чуть ниже скатился, так и выбрался из зоны обстрела.

– А что этот капитан?

– Его в самом начале убило. Я на него наткнулся, грудь разорвана, а рука наган сжимает. Я этот наган у него забрал, ни одного патрона в барабане. Забрал оружие, и совсем не зря, этот наган в сорок третьем меня спас, выполнил так сказать свою боевую задачу. Разведка боем была, в атаку кинули всех: и разведчиков, и штабных. После плотного артобстрела мы в первую траншею немцев ворвались, и тут я нос к носу с фрицем столкнулся. Жму курок, а выстрела нет, патрон перекосило. Видно диском автоматным по горячке за землю задел, когда падал. В последнее мгновение ткнул стволом в лицо немцу, упал и откатился в сторону. Очередь его автомата над самой моей головой прошла. Тут и сгодился наган, дернул его из-за пояса, и пять пуль в этого Ганса всадил. До сорок четвертого этот наган с собой таскал. Потом уже потерял, когда меня в плен взяли.

– Так ты и в плену был? Но ты батя, даешь.

– Был, целых пять часов.

– Да у тебя истории одна круче другой. И тебе за плен ничего не было? Говорят, за это здорово наказывали, все предательства боялись.

– А про мой плен никто и не знал, командир роты догадывался, но не расспрашивал. Так все втихую и закончилось, без последствий.

– Батя, а как это можно было на несколько часов в плен попасть. И как я понимаю, ты сбежал потом от немцев то?

– На войне всякое приключалось, воевали то миллионы. А у меня все просто, в июле сорок четвертого, когда мы наступали, линии фронта как таковой не было, немцы, где быстро откатились, где еще оборону держали. В общем, неразбериха полная. И надо же было нашему полку по моим родным местам наступать. Мы встали на ночлег всего в пятнадцати километрах от моей деревни. И засвербило у меня до дома сбежать, узнать, что там с матерью и сестрами, я уже три года о них ничего не слышал. Отец мой, дед твой, в первые дни войны сгинул. Не сбегаю сегодня, может, уже никогда их не увижу, да и не знал я, живы ли они. Пошел к рот-

ному, старшему лейтенанту Сибирцеву Андрей Палычу. Он молодой был, а толковый паренек, на фронте офицером стал, в общем, человек с понятиями. Он ко мне хорошо относился, мы с ним не раз и не два в дальней разведке бывали. Все объяснил – растолковал, мол, местность знаю отлично, вырос здесь, два часа туда и два назад, к утру снова буду в роте. Недолго Андрюха думал, иди мол, но учти, я тебя не отпускал, мы же в наступлении, с утра снова в бой. И в подарок моим родным от себя добавил пять банок американской тушенки. Вот я и рванул вперед, по первым сумеркам. Как и думал, за два часа добрался. И самое удивительное, наша деревня то стоит цела – целехонька, а что ей сделается в глухомани, вдали от главных дорог военных и направлений. Вот тут-то я и расслабился, можно сказать, в полный рост по деревне прошел к своей хате. И мать, и сестры, все живы – здоровы, только боятся сильно, позабывались в подвал. Фронт то рядом, все гремит – грохочет. Там с ними еще соседской малышни с пяток было, подвал то у нас большой, добротный. Пока обнимались – целовались, пока вещевой мешок с гостинцами вывернул, прошел час с не большим, наверное. И вдруг свет в окна ослепительный, и речь немецкая совсем рядом. Потом по-русски слышу кричат, мол, выходи немедленно. Не выйдешь, через пять минут от дома одни головешки останутся. Выглянул я и понял: пропал, метрах в сорока стоит немецкая бронированная машина, светит на дом двумя фарами, видно вокруг все, как днем. Крупнокалиберный пулемет с этой машины прямо на окна нацелен, и солдат немецких с десяток в отдалении мелькает. У меня три гранаты ручные, и три снаряженных диска к ППШа, ну и наган за поясом, в общем-то, воевать можно. Если сильно повезет, то и вырваться можно, хотя это очень и очень затруднительно. А тут голос снова по-русски, мол, не выйдешь, никого в живых в этом доме не оставим. Глянул я на детишек маленьких, обнял – поцеловал мать родную и вышел с высоко поднятыми руками, выходит, сдался добровольно. За это мне, в довесок за самоволку в военное время, по трибуналу ни прощения, ни пощады. Через мгновение меня разоружили и избили в кровь, закинули в амбар, который перед самой войной построили, и в котором ничего толком то не хранили, неудачное место под него выбрали. Забыли, что когда то здесь ручей протекал. И как только дождь начинается затяжной, так поэтому высохшему руслу вода один из углов амбара подмыкает, и хлупает потом по всей площади, пока дождь не прекратится. И этот гнилой угол песком речным засыпали, я это сразу вспомнил, как только очухался. Кроме меня в амбаре еще пятеро пленников: две бабы и трое мужиков, как и я, все в кровь избитые валяются. Обыскать то меня обыскали, да вот ложку стальную трофейную за голенищем кирзача не нашли. Она мне очень сгодилась, по любому лучше, чем пальцами песок грести. Вот я и рою этот гнилой угол, и вроде все неплохо получается, только сил мало после немецкого побоища. А помогать мне никто не собирается, смотрят, да и только. Стиснул зубы и рою дальше, понимаю, чем скорее выберусь отсюда, тем лучше для меня. А песок то хоть и не слежался сильно, но и не вымылся весь, видно дождей то сильных не было. Через час прорыл нору, еще час расширял ее, но уже нет сил дальше рыть. Правило есть народное, коли голова пролезла, то и вся остальная статья пройдет, а я в то время хudosочный был, жилистый.

– Да ты и сейчас, батя, не растолстел то шибко.

– С картохи разве разжиреешь, вот у меня голова пролезла, я сжался – скрутился змеей и выполз на свободу. Десяток метров и я в чаще, а там по знакомой тропинке до своих. Когда появился перед ротным, а это уже посветлу было, так тот только головой покачал, отдал свою плащ – палатку, мол, отсыпайся – восстанавливайся. На мое счастье на двое суток наше продвижение вперед застопорилось, так что я по тихой отлежался – отоспался, никто и не узнал, что со мной этой ночью приключилось. Ротный, конечно, догадался, а что тут не догадаться то: вернулся без оружия, без ремня, весь избитый. И как говорится, меньше знаешь – крепче спишь. Тем более особиста в роте не было на тот момент, ранили его неделю назад, а нового не прислали. Так что моя самоволка закончилась благополучно со всех сторон. И наша деревня целой осталась, мать с сестрами живы-здоровы. Оставшихся в сарае, немцы поутру постреляли,

не выводя на улицу. А я так и не узнал, кто это меня немцам продал. А может никто и не продавал, может их часовой меня выглядел, все может быть. Хотя обычно немецкие часовые без раздумий стреляют, даже не окликают. В общем, довоевал я вполне благополучно до конца войны. Правда, меня еще раз осколками ручной гранаты посекло сильно, но я от этих ран в медсанбате при части долечивался и не долечился. Когда на Восток нас везли, рана то и открылась, и сняли меня с эшелона, и война для меня закончилась. Подлечился и домой вернулся. Больше двух лет на разминировании работал. Вот и из нашей деревни в этот городок перебрался. Так что война для меня еще на три года продлилась.

– Почему на три, если ты два года в разминерах то горбатил?

– А в сорок восьмом году страшная голодуха у нас в Белоруссии случилась, много людей от голода поумирало, особенно детей. Так что этот год самым военным, самым лихолетным был, а вот с сорок девятого все вроде бы стало восстанавливаться, уже почти не голодали. Не хотелось это все вспоминать, да фильм душу растревожил. Правильное кино про войну, так оно и было. Так растревожило, что без стакана ни как. Пошли ка к тетке Аксинье зайдем, банку первача в долг возьму.

Умер Ульянов Тишков, русский солдат, в тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году. За мирное время совсем не разбогател, и справным хозяйством похвастаться не мог. А как хозяйство поднимешь, когда донимали военные раны. Так донимали, что в шестьдесят пятом пришлось операцию в Минске делать. Осколок с места стронулся, немного до сердца не дошел. Дети разъехались по всей стране, и не смогли быстро собраться в день похорон. А похороны в России дело хлопотное и очень затратное. Походила жена – старушка по властям и ничего не выходила. Кое-как насобирали по соседям рубликов, чтобы достойно проводить в последний путь мужа, солдата, орденосца: на подушечке несли награды, целый иконостас.

На тихом кладбище, под скромной звездочкой, лежит русский солдат, от первого и до последнего дня отвоевавший на той страшной войне. И никто сейчас не знает, кроме родных и близких, что он честно выполнил свой воинский долг, что и подтверждено многочисленными наградами, до которых никому нет дела. Ими играют его внуки, а что, очень красивые игрушки.

Петруха опоздал на три дня, то билетов нет, то самолеты не летают из-за погоды, Владивосток то совсем не близко от Белоруссии. Раздал долги соседям, два дня пил не просыхая, обидно ему было так, что слезы наворачивались на глаза. Эх батя, родной ты мой человек, честно отвоевал, жил тихо и просто, и оказывается даже не заслужил от советской власти бесплатных похорон. Наверное, она тебе была не мамой эта власть, а мачехой, как и всему российскому большинству.

Городок небольшой, все и вся на виду. Пересеклась Петрухина дорога с первым секретарем райкома. А что ей не пересечься то, если парень сам искал этого пересечения. Он спросил партийца, глядя тому прямо в глаза, почему семье фронтовика не помогли с похоронами. И не слушая пустое блянье, зло и с ненавистью бросил тому в лицо.

– Какие же вы твари. – первый орал на всю улицу, что он этого так не оставит, и сидеть Петрухе в тюрьме, и очень скоро, но дальше этих угроз дело не пошло. Видно не все человеческое поистратил первый на партийной работе, даже в пароходство не сообщил, как радист заграничавания о партии – кормилице отзывался.

В джунглях моря

Лесовоз «NORD SEA» под панамским флагом и с русским экипажем вышел с Филиппин с грузом красного дерева назначением на Японию. Это судно отработало свое, и пора бы ему встать на вечный прикол с последующей разделкой на металл, как говорят моряки на «гвозди». Но на мировом судоходном рынке появились дешевые русские моряки и уж больно предприимчивые русские бизнесмены. Первые готовы работать за пятьсот долларов в месяц на любой водоплавающей рухляди, а вторые умудряются находить эту самую рухлядь и со спокойной совестью выпихивать и тех, и других в море.

Этот панамский лесовоз не был исключением, имея в своем активе сплошные минусы, начиная с экипажа, набранного «с миру по нитке», и заканчивая невыплатой зарплаты за весь полугодовой контракт. С приходом русских это судно обрело, можно сказать, третью жизнь, которая закончится для него, скорее всего, не под резаками газосварщиков, а на дне морском, случись ему попасть в приличный шторм – до того проржавевшим был его корпус.

Половина экипажа, может, и не была отбросами общества, но в процветающих судоходных компаниях и на приличных судах в их услугах не нуждались, там для них не было места. Их любимое жизненное «хобби» со временем перешло в губительное пристрастие, почти недуг, и теперь без «огненной воды» они не мыслят своего существования. Из-за этого были мало способны к качественной работе, находясь в постоянном раздражении, которое гасится исключительно приемом спиртного любого качества.

То, что люди проработали вместе полгода, можно считать чудом, но, к сожалению и чудеса имеют свойства заканчиваться, тем более, если их постоянно подтачивают все новые и новые негативные обстоятельства. Вот и последняя новость из этого ряда – у судна новый хозяин, третий за полгода. Это означает, что шансы получить зарплату уменьшились втрое.

Судовладелец сообщил, что они теперь работники компании «GOLDEN SHIP». Название, конечно, крутое, но вся эта судоходная компания, скорее всего, состоит из этого одного судна. Еще он пожелал хорошей работы и спокойного моря и, конечно, пообещал рассчитаться с экипажем и поменять его при первой возможности. Он был бы полным кретином, если бы об этом не заикался и ничего не обещал. Зарплата, которую моряки еще не видели, и неясность с окончанием работы – главные проблемы экипажа, которые держат людей в постоянном раздражении, с похмелья переходящими в злобу на грани ненависти, как к себе, так и к коллегам по несчастью.

Когда на борту заканчивается спиртное, в воздухе носятся такие «грозовые тучи», что малейшая «искра» может взорвать судовую обстановку. Хорошо, что морские переходы небольшие и спиртное фактически не кончается. Моряки совсем рядом с трагедией, но пока все обходится, и дай Бог, чтобы обошлось. Разбитые губы и синяки под глазами в счет не идут: встал утром на ноги, значит все в порядке.

Но все равно нельзя так долго испытывать судьбу, не может все это продолжаться бесконечно, все мыслимые сроки прошли, беда рядом с людьми. Отшвартовались от причала порта Себу в пятнадцать, а к семнадцати ноль – ноль из двадцать одного члена экипажа абсолютно трезвыми оставались только пятеро.

В шестнадцать на вахту заступил старпом, радостно веселый от только что выпитого стакана виски. Алкоголь еще не «развез» его на жару, и он искренне верит, что так хорошо и весело ему будет всю вахту. А сменившийся второй помощник зашел предупредить третьего штурмана, чтобы тот был готов заступить на вахту часа на два раньше. Тот только усмехнулся в ответ: они со вторым уже смирились и, не портя нервы, делили ходовые сутки на двоих. Ни капитан, ни старпом ни выйдут из пьяного штопора, пока на судне будет хоть капля спиртного.

А в этот раз пьянка обещала быть крутой и долгой, дешевизна местного «пойла» и количество загруженного его на борт это красноречиво предполагали.

Еще при погрузке продуктов боцман с усмешкой отметил, что на это переходе будем кормиться одной водярой, взятой, как обычно, на деньги, отпускаемые экипажу на питание. За ящиками с дешевым виски не было видно этих самых продуктов, а повидавший всякого филипок – шипчандлер только качал головой.

В машинном отделении бессменными вахтенными будут пенсионного возраста стармех и год назад окончивший мореходку четвертый механик. Остальная часть машиной команды в пьяном угаре и не подумают спускаться в жару МКО, выпав полностью из работы как минимум на трое суток.

Боцман, еще один трезвенник в экипаже, обошел судно, проверил и задраил баковые помещения, лазы в трюма и в ростры, «набил» талрепа крепления палубного груза и ушел в надстройку, откуда неслась громкая магнитофонная музыка.

Дальше все пошло, как обычно, на ужин опостылевшая сублимированная лапша и медленное, но неотвратимое погружение экипажа в алкогольный рай. После ужина боцман, подремав пару часиков в каюте и, не в силах больше терпеть жару, вышел на палубу, где солнце, опустившись до горизонта, уже не так пекло.

Небольшое суденышко, маленькая и тесная надстройка, узкие палубные проходы. На главной палубе «караван» леса, и можно прогуляться только по этим узким проходам вокруг надстройки. Двести мелких шагов с одного борта через кормовую швартовую палубу на другой.

Это ежедневный, вечерний моцион боцмана, когда можно слегка расслабиться, забыть мрачную действительность и немного помечтать о том, когда этот проклятый рейс закончится и можно будет вернуться домой, к семье. Можно, конечно, бросить все и свалить на попутном судне, но держит не полученная зарплата, и в душе все же теплится надежда, что все же заплатят, а бросив все, пролетишь уж точно.

Мысли о не выданной зарплате, которая привязала его намертво к этому судну, сразу портят настроение. Их не прогнать, они мгновенно захватывают все сознание, а к ним тут же добавляются мысли о враждебном противостоянии между ним и матросами, и еще о многом другом, таком же сером и негативном.

Солнце давно скрылось за горизонтом, и душная тропическая ночь вступила в свои права. Это время суток – самое тяжелое, состояние войны со всей пьющей братией заставляет боцмана держать дверь и иллюминатор в своей каюте постоянно закрытыми. Ведь уже не раз, куражась в пьяной крутости, обещали выбросить его за борт, чтобы не мешал нормальным людям своей придурочной работой. Уже пару раз не сдерживался и сам боцман, тыкал кулаком в эти пьяно – искривленные рожи, после чего в ненависти получивших фингалы, сомневаться не приходилось. Вот и приходится гулять по палубе как можно дольше, пока ноги не нальются свинцовой тяжестью, а тело ждет отдыха и сна в любой обстановке. И снова раз за разом двести мелких шагов с правого борта надстройки на левый через корму, потом назад, повторяя это снова и снова.

Матрос Сергей Кирьянов, для своих просто «Киря», жизнью был недоволен конкретно. А этот последний контракт доконал его окончательно, истрепал нервы до предела. Во-первых, их «кинули» с зарплатой, как последних лохов, и сомневаться в этом уже не приходится. Прошло полгода, а им не выплачено ни цента. «Гонят» одни и те «басни» для дураков, мол, не волнуйтесь, работайте, а заплатим потом, по приходу в базовый порт. А кого там найдешь в этом базовом порту, если даже не знаешь, кого искать, третий хозяин за шесть месяцев. Но даже если и найдешь, кто с тобой говорить станет? За этими всеми фирмами – компаниями стоят такие «бригады», что мигом спрашивать расхочется, не то, что права качать. В общем, денежки, обещанные семьсот баксов в месяц, накрылись стопудово, и нечего себя тешить иллюзиями. И это очень сильно осложняет жизнь, держит в состоянии такой постоянной злобы, что, кажется,

он может «взорваться» от ярости. И самое противное, не знаешь, как от этого освободиться. А к этому еще примешиваются горькие думы о своих бездарно прожитых тридцати пяти годах, и эта проблема, пожалуй, покруче первой будет. Ведь за душой нет ни семьи, ни хаты, ни накоплений. И если сказать себе честно, то на сегодня он оказался у «разбитого корыта», и все надо начинать сначала, как говорят с чистого листа.

Все это тяжким грузом лежит на душе, а в совокупности с водкой очень хорошо «гробит» здоровье и нервы, не отпуская сутки напролет. Самое разумное – это бросить судно и выбираться домой, толку от этой работы нет и не будет. По приходу в Японию надо «пробить» это вопрос, вдруг попутный пароход подвернется.

Но это ближайшие планы, а на будущее надо вообще завязывать с морями. Неужели на берегу не найдется «жирного куска» для умного и сильного мэна? Мысль собрать «пацанов», жаждущих сбиться в «бригаду» под его авторитетным началом и заняться «промыслом» давно поселилась в голове и уже потихоньку обрастает практическими идеями.

Токарь Гриша Селезнев, числящийся здесь его корешем и правой рукой, обещает по приходу свести его со своим старшим братом, недавно вернувшимся с пятилетней отсидки, и местными «пацанами». А идей по «промыслу» хоть отбавляй, с этим в России никогда не было дефицита. Хочешь «бомби», хочешь – «крути», хочешь на гоп-стоп подписывайся.

Эти мысли о будущих крутых перспективах возбуждают и немного пугают, но парень твердо решил вступить на тропу криминала, сыграть с судьбой по – крупному. Зарабатывать копейки уже нет сил, а красивой жизни и всего, что ей сопутствует, хочется все сильнее и сильнее.

То, что он сможет начать дело, возглавив «пацанов», «Киря» не сомневается. На всех судах, где бы он не работал, его уважали, он всегда был в авторитете. Никто и никогда не смел на него вякать, знали, что разговор будет короткий. Не зря его юность прошла в борцовском зале, и до сих пор пудовая гирия и боксерская груша – его лучшие друзья и напарники. Вот только в этом контракте он чутка расслабился и уже третий месяц не делает элементарной зарядки. Но это не страшно, как говорится, опыт не пропьешь, несколько интенсивных тренировок – и тело все вспомнит, станет послушным и точным как часы.

Его авторитет, конечно, для узкого круга лиц и в обычной жизни от него одни неприятности, ведь он участник всех крупных пьянок и разборок. Вот от этого и не в один экипаж назад не взяли. А то, что он авторитет не для всех, сразу портит едва улучшившееся настроение и возвращает в действительность, на это зачуханное судно. Ведь даже на этом «корыте» он для некоторых пустое место. Хорошо, что не стараются это подчеркнуть, как, например, боцман, с его небрежной отмашкой и ехидной просьбой сначала протрезветь, а потом лезть с советами. И это происходит чуть ли не через день и доводит «Кирю» до состояния почти полной невменяемости. Слава Богу, что всегда остается капелька здравого ума, чтобы не провести расправу прямо здесь на борту. Но только они вернутся в Россию, там боцман получит все сполна, расплата будет равноценной всем унижениям.

Мысли о будущих крутых делах, о будущей крутой разборке, обычно успокаивали, приносили хоть и временное, но облегчение, но не сегодня. Стоило только подумать о боцмане, ежедневно достающего своей дурацкой работой, и ярость мгновенно заполнила сознание. Эх, врезать бы кому ни будь элементарно в харю, измолотить до полусмерти, выплеснув из себя клокочущую ярость. Но бить своих за просто так, в общем-то запаadlo, и не стоит даже думать об этом. Да и «месить» пьяные хари, не способные к сопротивлению, разве удовольствие? И вряд ли это снимет напряг. С ними и сидеть то сегодня противно, им лишь бы ужраться до соплей, и чтобы так всегда было. А почему, собственно говоря, надо кидаться на тех, кто проходит здесь если и не корешами, то постоянными собутыльниками? Почему не разобраться с тем, кого ненавидишь, почему «не вырвать» мучающий нестерпимой болью зуб с корнем, и навсегда покончить с доставшей до чертиков проблемой? Может, тогда отступит почти лиша-

ющая рассудка ярость, и он тогда вздохнет спокойно и весело. А коли решился он идти по «крутой дорожке», то надо когда то начинать, и чем скорее, тем лучше, чтобы покончить с сомнениями и колебаниями. Разборка то пустяковая, сделать – раз плюнуть, а авторитета на берегу прибавит железно. И момент как раз подходящий, через час почти вся толпа будет в полной отключке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.